

УДК 94(4):271.024+327.51



Тынянова О.Н.

Европейская шахматная доска: миттельшпиль в «Миттельевропе» (к 625-летию Кривской унии и 600-летию Грюнвальдской битвы)

Тынянова Ольга Николаевна, кандидат политических наук, эксперт Академии гуманитарных исследований, ученый секретарь Московского областного отделения Российского философского общества, вице-президент Отделения погранологии Международной академии информатизации, член-корреспондент Академии геополитических проблем (по Отделению геостратегии), почетный профессор философии Европейской Академии естественных наук и Европейского Университета (Ганновер)

E-mail: ucg.ltd@list.ru, pro_gnosis@mail.ru

Статья посвящена формированию геополитической структуры Центральной Европы. Политическая история восточноевропейских государств XIII – первой половины XIV вв. и геополитические последствия ряда ее эпизодов, в первую очередь Грюнвальдской битвы, рассматриваются как определяющие по отношению к событиям Новой и Новейшей истории.

Ключевые слова: геополитические игроки, политическая организация государства, Центральная Европа, крестовые походы, христианизация северо-восточных земель, Тевтонский орден, Великое княжество Литовское, Польша, геополитические последствия Грюнвальдской битвы.

С легкой руки Збигнева Бжезинского геополитическое пространство – «жизненное пространство» (Lebensraum) «отца-основателя» геополитики Ф.Ратцеля – уже не мыслится иначе, нежели шахматная доска, на которой меняющимися геополитическими игроками разыгрывается непрерывная партия, главным призом в которой становится недолгий миг мирового господства. И, как и в настоящих шахматах, в шахматах геополитических с первых же ходов начинается борьба за центр¹: государство, занявшее и контролирующее геополитический центр, имеет не просто ощутимое позиционное преимущество – именно такое государство и оказывается (так долго, как сможет обеспечивать свой контроль над занятым центром) собственно геополитическим игроком среди прочих государств – «шахматных фигур», а то и просто «клеток» геополитической «шахматной доски».

Такое видение мира в значительной мере мифологично по своей природе, и потому неудивительно, что геополитические модели оказываются своего рода космогониями, в которых каждый геополитический центр оказывается сродни сакральному центру мироздания, а завоевания и потери таких центров формируют геополитические коды и геостратегические цели государств.

Неудивительно и то, что с распадом СССР, всего социалистического блока и «возвращения в Европу» его бывших участников актуализировались концепция Срединной Европы («Mitteleuropa») Й.Парча – Ф.Науманна² и идеи Х.Маккиндера – Н.Спайкмена («кто управляет Восточной Европой, тот управляет харт-

¹ См.: Аннаков Б. Закономерности стратегии и тактики шахматной игры // Юбилейный сборник научных трудов молодых ученых и студентов РГАФК. М., 1998. С. 15-17; Калининко Н.М. Шахматная стратегия: Полный курс. М.: Гранд-Фаир, 2008.

² Понятие «Срединная Европа» в немецкоязычных публицистике, политической риторике и трудах экономистов начиная с XIX в., а именно с крушения Священной Римской империи, использовалось для обозначения объединения ряда европейских государств в рамках некой германцентричной общности. В начале XX в. (вслед за Ф.Ратцелем, основывавшемся в своих идеях создания союза всех государств восточнее Вислы под немецкой гегемонией на положении Германии в «сердце Европы») немецкими географом Й.Парчем (в 1904 г.) и публицистом Ф.Науманном (в 1915 г.) была выдвинута концепция территориально-политического и экономического объединения под управлением Германии стран и народов от Северного и Балтийского морей до Альп, Адриатики и Нижнедунайской низменности (см.: Partsch J. Mitteleuropa. Die Länder und Völker von den Westalpen und dem Balkan bis an den Kanal und das Kurische Haff. Gotha, 1904; Науманн Ф. Срединная Европа. М., 1917). В 1970-х гг. концепт Срединной (Центральной) Европы получил еще одну трактовку – «Центральная Европа как жизнеощущение», – сформировавшуюся на сей раз не в Германии, а в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Слове-

лендом»). При этом и в первой половине XIX, и в начале XXI вв. Срединная Европа понималась и понимается прежде всего как историко-политическое явление, что, по-видимому, отнюдь не случайно. Именно на этих «клетках» геополитической шахматной доски формировались театры двух мировых войн, определялся облик Европы Нового и Новейшего времени, а с ним и сценарии и «правила игры» глобализации.

Одним из таких «геополитических шахматных клеток» по праву может считаться Грюнвальд, трижды оказывавшийся в фокусе общеевропейских процессов – в 1410 г., когда союзное польско-литовское (или, как все чаще встречается в современных источниках, польско-литовско-русское) войско разбило Тевтонский орден, де-факто положив конец его существованию как геополитического центра силы; в августе 1914 г., когда немецкой армии удалось взять военный – но не военно-политический – реванш за поражение пятисотлетней давности (именно так рассматривали это событие маршал Гинденбург и генерал Людендорф¹); и перед началом Второй мировой войны, когда сражение при Грюнвальде использовалось в системе политической мотивации вторжения в Польшу.

В свою очередь и сам Грюнвальд имеет более чем двухвековую предысторию – историю политико-экономического освоения территорий Центральной Европы и политическую историю основных геополитических акторов – Священной Римской империи, Тевтонского ордена, Польши и Литвы, – столкновение которых на этой территории привело к кардинальному изменению всей структуры европейского пространства.

Основной отличительной чертой политико-экономического освоения территорий Центральной Европы как общеевропейского процесса явилось постепенное распространение немецких поселений на Восток (на земли Среднего Дуная и Восточных Альп), начавшееся еще в VIII в. и резко активизировавшееся в XII в. уже в форме целенаправленной колонизации. При этом, с одной стороны, в силу высокой степени децентрализации Священной Римской империи, а также в силу геополитических приоритетов ее императоров, более обеспокоенных признанием ленной зависимости от империи ее христианских соседей – Чехии, Польши и Венгрии, – в расширении владений за счет территорий языческих племен балтийских славян были заинтересованы именно и прежде всего князья приграничных марок, видевшие в военной восточной кампании также и способ прекращения бесконечных кровопролитных стычек на границах.

С другой стороны, как ни парадоксально, помощь немецкого оружия против тех же язычников оказалась не меньше востребованной именно там, где еще в X в., при германском императоре Оттоне III, были созданы независимые от немецких прелатов архиепископства, – в отстоявших свою церковную (а, значит, и политическую) самостоятельность Венгрии и Польше.

Решение проблемы христианизации и политико-экономического освоения балто-славянских земель была решена традиционным для эпохи способом – крестовым походом, геополитическими плодами которого воспользовался, однако, не Рим и не Священная Римская империя, а созданный в конце XII в. в Палестине и утвержденный в 1198 г. папой Иннокентием III Тевтонский орден.

Формально подчинявшийся, как и все военно-монашеские ордена, непосредственно Риму, Немецкий (Тевтонский) орден к 1210 г. имел большие земельные владения в Германии и Южной Европе и обладал весьма значительной для своего времени внутренней административной централизацией, что позволило ему приобрести известное влияние в Европе – прежде всего в результате политики Ватикана, разрешившего саксонским рыцарям во время Второго крестового похода не отправляться в Палестину, а заняться насильственным обращением в христианство соседних языческих славянских племен. Геополитическое значение т.н. «вендского крестового» похода 1147 г., несмотря на скромные военные результаты, оказалось огромно: судьба языческих племен, зажатых между Священной Римской империей и Польшей, была решена, а Тевтонский орден, явившийся основным «инструментом» христианизации северо-восточных земель, получил значительный опыт не только военной, но и административно-политической организации и, что самое главное, геостратегические предпосылки для оформления территориальной власти, не насторожившие, однако, христианских государей Центральной Европы.

Так, уже в 1211 г. король Венгрии Андраш II приглашает Орден для борьбы с половцами, предоставив ему земли на юго-восточной границе Трансильвании и значительную автономию. Когда же в 1225 г. недовольство венгерского баронства льготами чужеземцам вынудило Андраша выдворить орден с земель Короны св. Стефана, помощи против пруссов у тевтонских рыцарей попросил польский князь Конрад I Мазовецкий, пообещав в качестве платы города Кульм и Добрынь, а также захваченные пруссами территории. (Пройдет немногим более трех четвертей века, и к тому же Тевтонскому ордену обратится польский король Владислав Локеток с просьбой о помощи в борьбе с Бранденбургской маркой, захватившей Гданьск и Восточное Поморье; однако заставить вернуть эти территории самих крестоносцев так и не удалось, даже несмотря на благоприятное для Польши решение папского посреднического суда). В 1254 г. вице-магистр Тевтонского ордена в Пруссии Бурхард фон Хорнхаузен, галицко-волинский князь Данило Романович и мазовецкий князь Земовит заключили в Рачёнже трёхсторонний союз для покорения ятвягов.

В 1217 г. Римский папа Гонорий III объявил против пруссов крестовый поход, девять лет спустя, в 1226 г., участие в нем было санкционировано буллой императора Священной Римской империи. Так немецкая колонизация прибалтийских земель (рис. 1) стала общеевропейским делом, а война Тевтонского ордена

нии, республиках Прибалтики (см.: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 48).

¹ См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ, Харвест, 2005.

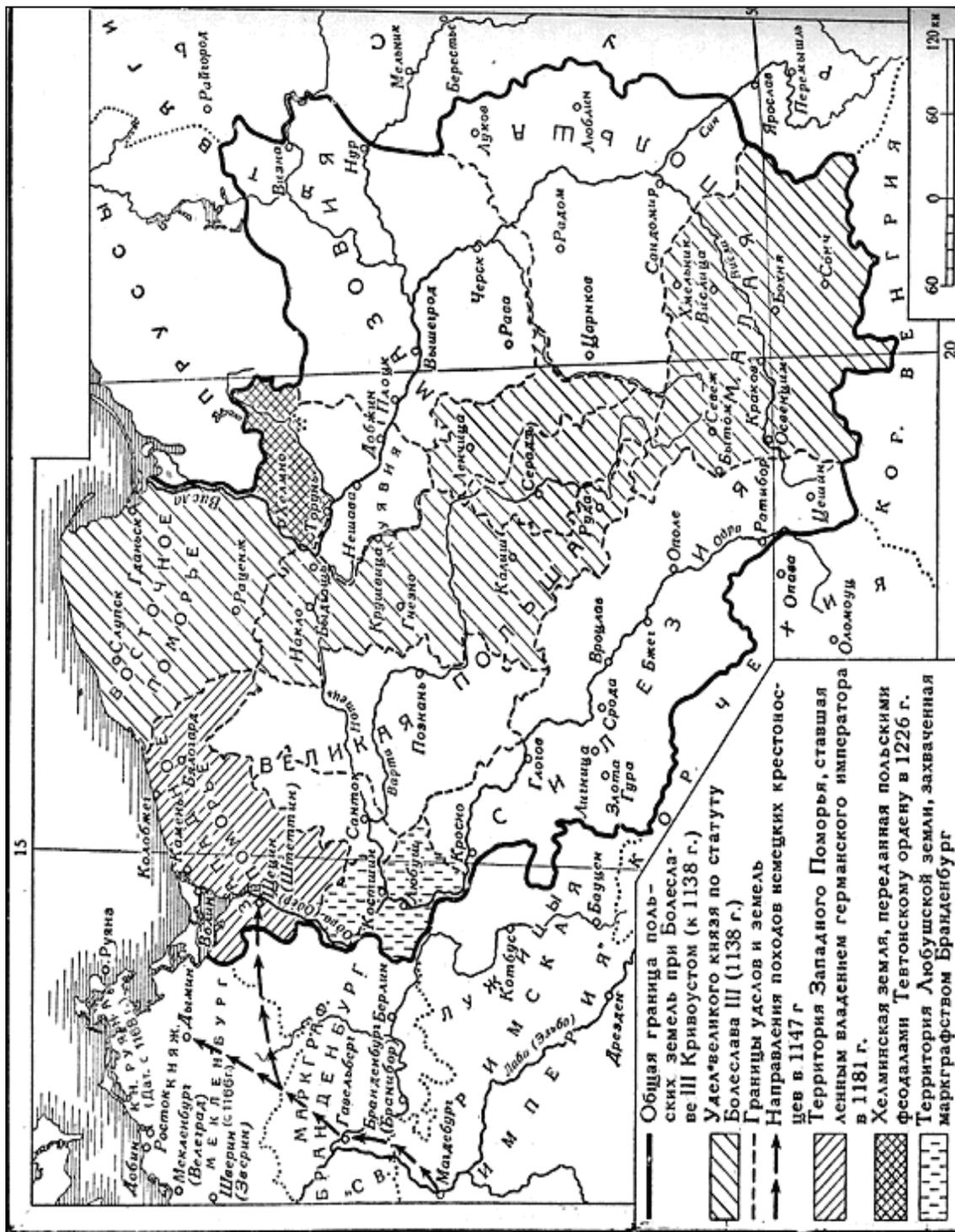


Рис. 1. Центральная Европа в XII – первой половине XIII вв. и изменение границ Польши в ходе немецкой колонизации

против пруссов – войной европейского рыцарства, прежде всего Германии, Чехии, а также Польши, против язычников, опиравшихся лишь на поддержку Литвы, не располагавших никакой осадной техникой и не имевших ни малейшего шанса против крестоносцев со всей Европы. В конце концов, несмотря ни на применение пруссами тактики партизанской войны, ни на победу в крупном полевом сражении 23 ноября 1249 г. при Крюкене, с вождями большинства племен удалось достичь мирного соглашения, и постепенно верхушка пруссов, приняв христианство, слилась с рыцарями ордена, а остальные пруссы были обращены в податное сословие.

Продвижение Тевтонского ордена на север и насильственная христианизация местного населения сопровождались строительством крепостей, сеть которых постепенно покрыла все прусские земли. Так появились Торунь, первый форт крестоносцев на правом берегу Вислы, Хелмно, Квидзын, замки Бальга и Кёнигсберг, основанные уже на прусских землях; несколько ранее у устья Немана был основан Мемель. Этот порт обеспечивал связь с владениями ордена Меченосцев, на базе которого образовалось – после его слияния в 1237 г. с Тевтонским орденом – ландмайстерство (отделение) последнего, Ливонский орден. Строительство крепостей, в свою очередь, способствовало притоку немецких колонистов и их активной хозяйственной деятельности.

Постепенно под власть Тевтонского ордена попала вся Пруссия (окончательно к 1283 г.), им были захвачены Восточное Поморье с Гданьском (1309), Эстляндия (1346), Жемайтия (1382–1398), остров Готланд (1398), Новая марка (1402). В итоге в Прибалтике образовалась крупная феодальная военно-колониционная территориально-политическая структура, владения которой (включая ливонское ландмайстерство) простирались от Вислы до Нарвы, преградив выход к Балтийскому морю Польше, Литве и Русскому государству. При этом во время захватнического похода на Гданьск (1308.) было уничтожено почти всё польское население, а захваченные земли заселены немецкими переселенцами – эти обстоятельства ещё отзовутся драматическими геополитическими последствиями в первой половине XX в. Захват Восточного Поморья также следует выделить особо, поскольку эта кампания уже не преследовала религиозных целей. Таким образом, на рубеже XIII и XIV вв. Орден фактически становится государством и именно в этом качестве продолжает политику восточной экспансии.

Отметим в этой связи существенное различие между административно-политической организацией государства Тевтонского ордена и Ливонии. Так, характерной чертой политической организации последней было отсутствие верховного сюзерена: в интересах Рима было поддержание раздробленности и децентрализации своих ленных владений. Всеобщий ландтаг Ливонии объединял шесть входивших в нее феодальных государств, среди которых Ливонский орден являлся лишь движущей силой этого конгломерата; при этом каждый из крупных ливонских сюзеренов (ландсгерров) самостоятельно выступал на международной арене, обладал в пределах своего владения высшей судебной властью и правом на чеканку своей монеты, имел собственное войско. Отдавая земли в лен своим вассалам, ландсгерры образовывали иерархическую структуру землевладения, сложность которой усугублялась неопределенностью границ отдельных владений и необязательностью закрепления в правовых актах формально-юридической зависимости. Тевтонский орден, как и Ливонский, подчинялся непосредственно Риму, однако в отличие от своего ландмайстерства, так и не утвердившегося окончательно ни в Рижском архиепископстве, ни на славянских землях, приобрел военно-политический опыт, позволивший создать уже на завоеванных прусских землях небольшое, но сильное и хорошо организованное государство, принявшее после падения Акры в 1291 г. всех рыцарей ордена и Великого магистра.

Таким образом, по справедливому замечанию Т.Н. Грановского, «Польша нажила в нем [Тевтонском ордене – *О.Т.*] беспокойного и опасного соседа. Покончив дела с пруссами, орден вступил в войну с Польшей»¹. Однако самому массивному натиску Ордена подверглось Великое княжество Литовское, считавшееся оплотом язычества: принявший в 1251 г. вместе с женой крещение от Рима князь (кунигас) Миндовг уже в 1261 г. отрекся от христианства несмотря на то, что Литва была признана папой римским Иннокентием IV католическим государством, а сам он коронован как литовский король.

Борьбу с тевтонскими рыцарями начал именно Миндовг, нанёсший Ордену два сокрушительных поражения в битве при Сауле (Шауляе) в 1236 г. и в битве при озере Дурбе (1260). Захватив т.н. Чёрную Русь (северо-западные русские земли в бассейне верхней Двины), Миндовг переносит свою столицу в г. Новгородок (Новогрудок), который успешно защищает и от Золотой Орды, и от крестоносцев. После убийства Миндовга по наущению Ордена и тридцатилетней междоусобицы объединительную политику продолжил литовский князь Витень, в правление которого от крестоносцев был освобожден захваченный ими после смерти Миндовга Полоцк. С распространением в XIV в. власти брата и преемника Витеня Гедиминаса на всю территорию современной Белоруссии формируется Великое княжество Литовское со столицей в Вильно; сын Гедиминаса Ольгерд присоединяет к Литве Брянскую, Киевскую, Подольскую, Черниговскую и Северские земли, и к началу XV в. Великое княжество Литовское и Русское простирается от Черного до Балтийского морей (рис. 2).

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1987. С. 100.



Рис. 2. Территориальный рост Великого княжества Литовского в XIII—XV вв.

В этой связи следует отметить, что присоединение в XIV в. к Великому княжеству Литовскому ряда русских земель происходило большей частью добровольно – либо с целью защиты от золотоордынских набегов, либо, как в случае раздробленной Полоцкой земли, под угрозой вторжения крестоносцев. Результатом такого присоединения стало то, что практически с момента своего основания Великое княжество Литовское приняло вид Литовско-Русского княжества: русское влияние в Литве было в этот период доминирующим, на территории Московского княжества литовцы не считались чужестранцами, отъезд литовской знати на Русь, равно как и русской знати в Литву являлся обычной практикой (и прекратился лишь после признания изменником князя Курбского), великий литовский князь в литовских документах именовался также и великим русским князем, официальным языком Великого княжества Литовского была т.н. «русская западная мова» (на основе которой впоследствии сложился белорусский язык), а вся документация велась на древнерусском языке; представителями русской культуры – политической и духовной – были и принявшие христианство Гедиминовичи (дети русских княжон и сами бравшие в жены русских).

Великое княжество Литовское и Русское стало крупнейшим государством Европы, но продолжало подвергаться ожесточенным атакам тевтонских рыцарей. В XIV веке Орден совершил свыше сотни походов в пределы Литвы, разрушив в 1362 г. Каунасский замок, а в 1365 г. впервые напав на литовскую столицу Вильнюс. В последней четверти XIV в. Орден, не прекращая военное давление на Литву, активно разжигает войну за княжеский престол между Ягайлой и Кестутисом с его сыном Витовтом. В результате за мир с Орденом Ягайло в 1382 г. и Витовту в 1384 г. пришлось заплатить Западной Литвой и Занеманьем.

Что же касается Польши, то она, несмотря на утрату Мазовии, Поморья, Силезии и части Куявии, уже вступила в стадию объединения – пока только формально, личностью короля и его короной: с момента коронации Владислава Локетка в 1320 г. польские земли все чаще выступают в источниках (и, соответственно, мыслятся) как нечто единое и неделимое, как *Regnum Poloniae*, Королевство Польша. Интеграция и централизация государства в рамках единой правовой системы, администрации и государственных институтов произошла при сыне Локетка, Казимире Великом, которому удалось также более чем вдвое увеличить территорию унаследованного от отца государства и существенно повысить авторитет Польши в Европе.

Дипломатическими методами были урегулированы отношения с Тевтонским орденом, и хотя от Поморья пришлось отказаться, Польше удалось вернуть Куявию и Добжинскую землю, а затем и присоединить Галицкую Русь, что явилось принципиальным для формирования основного – восточного – вектора геополитической экспансии Польши в последующие столетия.

Столь же принципиальным явилось и наметившееся в период правления Казимира Великого существенное изменение в понимании термина *Regnum Poloniae*, связанное с пониманием различий прав короля и прав королевства. Оно нашло отражение в появлении нового термина *Corona Regni Poloniae* («Корона Польского королевства»), впервые документально зафиксированного в 1356 г. Суть данной правовой конструкции заключалась в отделении личности правителя от государства, определявшегося здесь как «корона»: государство юридически переставало быть вотчиной государя и становилось понятием, автономным в политическом и правовом отношении.

С одной стороны, заимствование (через Венгрию и Чехию) западноевропейского понятия «Корона королевства» позволяло не только возвращать себе ранее утраченные части *Regnum Poloniae*, но и включать в состав государства новоприобретенные области, т.е. могло служить юридическим обоснованием внешней экспансии. При этом концепция Короны королевства со временем привела и к оформлению представлений о ее территориальной неделимости, что ограничивало право короля отделять однажды присоединенные к Короне земли.

С другой стороны, новое понимание государства меняло и понимание королевского сюзеренитета над некоторыми удельными княжествами, чья вассальная зависимость становилась теперь выражением связи не только (а в последствии не столько) с личностью короля, но и с короной. В эпоху Казимира Великого этот процесс только начинался, и концепция, выраженная термином *Corona Regni Poloniae*, еще не успела привести к ослаблению позиций правителя. Однако при занявшем польский трон венгерском короле Людовике Анжуйском публично-правовой аспект понимания данного термина существенно усилился: постоянное отсутствие короля (практически не интересовавшегося польскими делами и занятого более восстановлением позиций венгров в Галицкой Руси) и правление его наместников делали все более ощутимым независимость государства от личности монарха, повседневная же практика требовала уточнения обязанностей короля и прав представителей сословий на участие в управлении. Первым шагом на пути расширения таковых прав стал отказ от принципа наследования трона в пользу выборной монархии: еще в 1355 г. Людовик Венгерский в обмен за права на польский трон в случае отсутствия у Казимира мужского потомства издал привилегию для польских сословий, подтверждающую их права и обещающую шляхте не собирать чрезвычайных налогов. Существенно дальше шел Кошицкий привилей 1374 г., данный в обмен на согласие польской знати на наследование трона по женской линии, – согласие, сыгравшее решающую роль в дальнейших судьбах народов и государств Центральной Европы, а в конце XIV в. позволившее сформировать территориально-политическую структуру, образование которой лишало смысла формальные религиозно-идеологические и геополитические цели и функции Тевтонского ордена и вело к кардинальной смене диспозиции на всей европейской шахматной доске.

Речь идет о заключенной в 1385 г. Кревской унии, менявшей соотношение сил в регионе не в пользу Ордена.

В 1386 г. наследник Ольгерда, Ягайло женившись на наследнице Польши, младшей дочери Людовика Венгерского Ядвиге (до того обрученной с одним из Габсбургов), принял имя Владислав II и христианизировал литовцев, таким образом объединив (пока личной унией) две короны – королевскую и великокняжескую.

Основным мотивом заключения польско-литовской унии была, несомненно, угроза со стороны Тевтонского ордена, объединявшая политические интересы литовцев и поляков. Уния была призвана устранить эту угрозу, поскольку после крещения литовцев Орден терял формальную основу для нападения на Литву.

Имелись, однако, и иные мотивы. Не говоря о том, что в своей грамоте Ягайло, обещая включить Литву в состав Польши, использовал латинский термин *applicare*, что вполне соответствовало модели государства, определяемой термином *Corona Regni Poloniae*, заключение Кревской унии позволяло Польше разорвать личную унию с Венгрией и тем самым ослабить зависимость своей политики от союза с ней в условиях, когда венгерский трон оказался занятым Сигизмундом Люксембургом, что обострило спор из-за Галицкой Руси. Великое княжество Литовское, помимо угрозы со стороны Ордена, стремилось упрочить свое владычество над подчиненными им западнорусскими княжествами, а заодно устранить и татарскую опасность (неизбежную, поскольку вхождение в состав Литовского государства русских земель уничтожало их зависимость от татарских ханов и одновременно приближало к их владениям границы Великого княжества Литовского), и потенциальную угрозу со стороны московских князей: в силу этнического характера и исторической традиции вошедших в состав Литовского государства территорий становилось неизбежным и его столкновение с поднимавшейся в XIV в. Москвой как новым центром объединения русских земель.

При этом уния пользовалась поддержкой среди как малопольских панов, также рассчитывавших на колонизацию западно- и южнорусских земель, так и литовских князей и бояр, видевших в ней возможность расширения собственных сословных прав за счет ослабления по польскому образцу зависимости от центральной власти, а также купечества (и польского, и литовско-русского), заинтересованного в расширении торговых отношений между двумя странами.

Еще более весомыми были идеологические мотивы: крещение Литвы становилось успехом всей Римско-католической церкви и главной заслугой именно польской церкви, причем крещение это происходило без войны, разрушений и грабежей, без истребления язычников, т.е. всего того, что принес на прусскую, а затем и литовскую земли Тевтонский орден. В свою очередь христианизация Литвы не только открывала польской церкви широкое поле для миссионерской деятельности, сулившее также щедрые пожалования со стороны новообращенного литовского князя, но и привлекала тех представителей литовской знати, которые претендовали на более высокое социальное и политическое положение.

Однако несмотря на многочисленных приверженцев, именно внутренние этнокультурные и этнополитические реалии Великого княжества Литовского препятствовали претворению унии де-факто, и не в последнюю очередь связаны эти реалии были с тем, что на большей части литовского государства проживало издавна исповедовавшее православие русское население; для их ближайших соседей-литовцев гарантией сохранения самобытности оставались языческие традиции. В свою очередь и социально-политическое устройство Литвы – типичного раннефеодального образования с находящейся в стадии формирования весьма пестрой социальной структурой, существенно различавшейся в «литовских» и «русских» землях Великого княжества Литовского, – делало практически неосуществимой быструю и безболезненную интеграцию этого государства в состав Короны Польской. Однако и попытки Тевтонского ордена воспользоваться польско-литовскими политическими коллизиями закончились неудачей: хотя Витовт, сплотивший и централизовавший княжество, ведя то польскую, то прусскую политику, сумел заручиться поддержкой Ордена в борьбе против татар (в обмен на Жемайтию), поражение в битве с последними на Ворскле (1399) разрушило его планы, заставив вернуться к союзу с Польшей.

Таким образом, в первом десятилетии XV в. собственно Центральную Европу образовывали фактически два противостоящих друг другу равновеликих геополитических игрока, претендовавших



*Ягайло (Владислав II).
Рисунок Яна Матейко
(вторая половина XIX в.)*



*Витовт Великий.
Неизвестный художник XVII в.*

не только на владение одними и теми же землями, но и на признание в качестве единственно правильной собственной доктрины христианизации этих земель. И если слабостью одного из них (Польско-литовского союза) была хрупкость личной унии в отсутствии этнокультурных и политико-административных условий немедленного объединения, то и достигший вершины своего могущества Орден начал испытывать определенные проблемы.

Так, с одной стороны, в существовании орденского государства было заинтересовано западноевропейское рыцарство, в особенности немецкое, которому походы на истинных и мнимых язычников приносили как почет и славу, так и добычу.

С другой стороны, после объединения Литвы и Польши тевтонские рыцари постепенно стали утрачивать поддержку и соседних герцогств, и церкви, отношения с которой ухудшались также конфликты с архиепископом Риги, усиливавшиеся по мере исчерпания миссии Ордена по крещению язычников: «В XV столетии орден не мог уже держаться против Польши. Дело в том, что орден этот не соответствовал более духу времени и Германия мало помогала ему. Собственная Пруссия принадлежала ордену, во главе которого был гроссмейстер из знатнейшей фамилии Германии. Но во владениях ордена были уже сильные оппозиционные элементы, во-первых, горожане, большей частью выходцы из Германии; промышленные, торговые, они тяготились притязаниями этих рыцарей-монахов»¹. В свою очередь преобразование правления в Литве обеспечило ей определенную поддержку папы, настаивавшего на цивилизованном урегулировании споров между христианскими государями (что, однако, не придало мирный характер отношениям Ордена и Польско-литовского союза).

В то же время, хотя крещение Литвы лишало Орден смысла существования, процесс его упадка растянулся на десятилетия, и благодаря сохранявшемуся на протяжении ряда лет притоку людей и средств, а, главное, великолепной военной, хозяйственной и политико-административной организации (позволявшей игнорировать решения и требования Рима), государство Тевтонского ордена в начале XV в. было в силах продолжать борьбу за реализацию собственной концепции христианизации Литвы, поскольку лишь эта концепция оправдывала само существование Ордена.

Крещение Литвы после унии 1385–1386 гг. было объявлено недостаточным и неискренним, а уступка ордену Жемайтии привело к восстанию (1401) и новым военным действиям, хотя и завершившимся мирным договором, но делавшим очевидной сложившуюся «патовую ситуацию»: решительного перевеса не получала ни одна из сторон, источник конфликтов оставался неустранимым, хотя кратким затишьем успела воспользоваться Литва. Передышка была использована ею для захвата новых русских земель (в частности, в июле 1404 г. Витовт взял Смоленск², и именно смоленские «знамена» составили значительную и наиболее боеспособную часть выставленных Литвой войск под водительством Витовта). Между тем становилось ясно, что состояние напряженности не может продолжаться бесконечно, и стороны начали готовиться к новой войне, перспектива которой стала очевидна после смерти в 1407 г. осторожного Великого Магистра Тевтонского ордена Конрада фон Юнгингена и перехода власти к его брату Ульриху, стороннику решительных военных действий. В свою очередь и настроения в Польше и Литве подталкивали правителей союза к принятию политического решения, и когда в 1409 г. (с согласия Витовта) вспыхнуло новое восстание в Жемайтии, поддержанное Польшей, Орден ответил объявлением войны.

Решающим в начавшейся войне, получившей название Великой и продолжавшейся два года, стал 1410 г., а именно один его день – 15 июля 1410 г., когда под Грюнвальдом сошлись две огромные армии (ок. 30 тыс. человек со стороны польско-литовских сил, и 20 тыс. – со стороны Ордена³, имевшего, однако, превосходство в вооружении).

Тем не менее не столько ход сражения, окончившегося победой союзных войск, сколько геополитические итоги Грюнвальда – как локальные, так и общеевропейские, – заслуживают сегодня самого пристального внимания.

Итоги эти оказались поистине огромны и не сводимы исключительно к подрыву могущества Тевтонского ордена и к его последующему полному крушению в 1525 г., когда Великий Магистр Альбрехт Гогенцоллерн из династии Бранденбургских Гогенцоллернов перешел в протестантизм, сложил с себя полномочия и объявил о секуляризации прусских земель – домена Ордена.

Впервые в самом центре европейского пространства появилось мощное государство (рис. 3), способное не просто вести собственную партию в «концерте» «старых» европейских монархий, но и влиять на баланс сил

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. С. 100.

² На Смоленское княжество Витовт претендовал на основании заключенного в 1390 г. брака своей дочери Софьи и великого князя московского Василия I.

³ Усредненная оценка современных исследователей оказывается значительно ниже приводимой современникам события (в частности, Я. Длугош называет численность войск Ордена равной более чем 30 тыс. человек, чешские источники – еще больше). Тем не менее именно такая численность представляется наиболее корректной, поскольку, по-видимому, победители психологически были заинтересованы в преувеличении масштаба собственной победы, не в последнюю очередь в силу мизерных результатов Торунского мира 1411 г. (о чём см. ниже). Подобного рода необъективность, впрочем, свойственна многим историческим источникам разных эпох и хорошо объясняется описанным Л. Фестингером явлением «когнитивного диссонанса» (см.: Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999).

практически на всех европейских театрах того времени – появилось, чтобы стремительно утратить свою мощь, разменянную на сословные привилегии: «...именно пред исходом средних веков Польша стояла на высшей степени своего могущества. Великая и Малая Польша, Литва составляли воинственное государство, оплот Западной Европы против турок. Но, взглядываясь пристальнее, мы видим, что внутренние условия государства не соответствовали внешнему его могуществу. В сущности, настоящей наследственности престола в Польше не было: это начало постепенно слабело с ходом ее истории. Это доказывается тем, что каждый государь пред смертью своей старался об утверждении преемника, делал для этого уступки дворянству и передавал, таким образом, своему сыну власть, значительно ослабленную против прежнего; ослабление королевской власти идет постоянно с каждым отдельным царствованием»¹.

Согласие шляхты на войну с Орденом было куплено ценой предоставления ей новых обширных привилегий, главной из которых явилось признание за шляхетскими сеймиками роли органов сословного представительства. Так был сделан решительный шаг в сторону политической децентрализации, а с ней утраты Польшей доминирующего положения в Центральной Европе и – в будущем – к трем разделам её территорий между новыми геополитическими игроками.

Пока же, однако, победа над Орденом и союз с Литвой делали Польшу, простирающуюся отныне «от моря до моря», равновеликой Русскому государству, и централизация и усиление последнего будут отныне происходить в непрерывной борьбе с воинственным соседом, и именно эта борьба будет постоянно втягивать Россию в перипетии и коллизии большой европейской политики.

В этой связи нельзя не отметить и определенную политическую наивность ряда авторов, усматривающих трагическое недоразумение в разошедшихся после Грюнвальда исторических и политических судьбах братских славянских народов. Сколь бы ни была сильна этническая общность государствообразующих народов, само государственное строительство диктует приоритет политической идентичности над идентичностью этнической. В противном случае государствообразующим оказывается совершенно иной этнос, как это произошло с пруссами, поглощенными Тевтонским орденом, и едва не произошло с прочими народами Центральной Европы.

Заметим также, что как и во всех случаях коалиционных войн, геополитические итоги Грюнвальдского сражения не в последнюю очередь оказались связанными с составом обеих, коалиционных по сути, сторон.

Так, помимо польских, литовских и русских (смоленских) полков в состав союзного войска входили также чехи (считается, что именно здесь Ян Жижка потерял свой левый глаз) и татарские союзники литовского князя во главе со старшим сыном хана Тохтамыша. И если впоследствии вышедшая победительницей из сражений с Орденом Польша не рискнет откликнуться на призывы гуситских вождей и не пойдет на создание литовско-польско-чешской унии (сама идея образования которой вызвала яростное сопротивление католических кругов в Польском государстве), то создание с согласия польского короля на территории Тевтонского ордена первого протестантского государства Европы – герцогства Пруссии – произойдет при посредничестве Мартина Лютера, автора этой геополитической комбинации.

В свою очередь уже в участии в Грюнвальдской битве татарских союзников Литвы просматривается «юго-восточный» вектор польской политики, менявшийся на протяжении своей истории от антитурецкого до протурецкого. Так, уже к 1395 г. Витовт был в состоянии оказывать влияние на земли Золотой Орды и военное противостояние многочисленных Чингизидов. И хотя непосредственно во время Грюнвальдского сражения в состав войска Витовта входила конница сына бежавшего от Тимура Тохтамыша, к этому времени Крымский улус Золотой орды, будущий вассал Османской империи, находится под контролем ставленников литовского князя – Пулад-бека и отца первого крымского хана Хаджи Гирея (выросшего при дворе Витовта в Тракае). В известном смысле, таким образом, хотя первоначально Польша входила в антитурецкую коалицию, Грюнвальдскую битву (равно как и всю сложную историю польско-венгерских отношений) можно рассматривать и как своеобразный пролог битвы при Мохаче.

В то же время победа в войне с Тевтонским орденом, а также значительный военный и экономический потенциал Польши и Литвы позволили Ягеллонам добиться успехов в династической политике, прежде всего после пресечения в Венгрии и Чехии местных династий (со смертью Иржи Подебрада в Чехии и Матяша Корвина в Венгрии). На последних этапах существования доосманской Венгрии венгерские Ягеллоны заключили два династических брака с австрийскими Габсбургами, что после мохачской катастрофы 1526 г. подготовило почву для дальнейшей аннексии всей Венгрии Австрийской империей в 1699 г.

Отметим и то, что гибель на поле боя значительного количества представителей южнорусских княжеских родов, Рюриковичей и Гедиминовичей, а также родственников Чингизидов (Глинских, Острожских, Вишневецких) привело к усилению влияния польской знати на южнорусских (украинских) землях.

На стороне Ордена с оружием в руках выступил король Венгрии (с 1410 г. король Германии) Си-

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. С. 156

гизмунд Люксембургский, что и обусловило мизерные результаты Торуньского мира 1411 г.: кроме признания пожизненных прав Ягайло и Витовта на Жемайтию, никаких других территориальных изменений не предполагалось. Орден лишь обязывался выплатить возмещение, что, безусловно, было несоизмеримо с масштабами одержанной польско-литовским войском военной победы.

В 1411 г. после двухмесячной, так и не увенчавшейся успехом осады Мариенбурга, Орден выплатил контрибуцию Великому княжеству Литовскому. Был подписан мирный договор, не прекративший, однако, мелкие стычки. Предпринятое же императором Священной Римской империи Фридрихом III создание Лиги Прусских государств спровоцировало Тринадцатилетнюю войну, из которой Польша также вышла победительницей. В 1466 г. по Второму Торуньскому мирному договору Тевтонский орден вынужден был признать себя вассалом польского короля, а в 1525 г. прекратил свое существование.

Тем не менее, возникающая на его месте Пруссия, будучи протестантским государством, претендовала на то, чтобы считаться духовной наследницей Ордена, особенно в части воинских традиций. В 1813 г. в Пруссии был учрежден орден «Железный Крест», воспроизводящий орденский символ. История Тевтонского ордена преподавалась в прусских школах, а геополитическая доктрина ордена «Дранг нах Остен» была полностью усвоена руководством Третьего рейха (претендовавшим также и на имущество Ордена: после аншлюсса Австрии его сохранившиеся владения были национализированы в пользу Германии, то же самое произошло после захвата Чехословакии в 1939 г.; независимость сохранили лишь орденские больницы и здания в Югославии и на юге Тироля).

Сказанное заставляет вновь задаться лишь на первый взгляд банальным вопросом о повторяемости истории, на этот раз – как о форме проявления исторической памяти геополитического пространства, точнее, о некоторых закономерностях государственного строительства как об условиях сохранения геополитическим пространством своей исторической памяти. В этой связи правомерными представляются как минимум два утверждения.

Во-первых, историческая память геополитического пространства оказывается тем более сильной, чем более эффективна политика централизации, проводимая правящим классом государств данной части геополитического пространства (точнее, недостаточно централизованное государство не может удержать геополитическое пространство под своим контролем, и память о существовании такой территориально-политической структуры просто не сформируется, хотя, безусловно, сохраняются доступные археологам материальные свидетельства существования данного государства на занимаемой им территории).

Во-вторых, важнейшим условием формирования памяти геополитического пространства является наличие у контролирующего его государства жизнеспособного (точнее, обеспечивающего продолжительную жизнеспособность самого государства) геополитического кода¹. Последний в этом случае представляет собой не что иное как идеологему, лежащую в основе внешней политики и являющуюся комплексом имеющих выраженную пространственную и временную² «привязку» представлений о государственных интересах, внешних угрозах таковым, а также о желательном и допустимом реагировании на такие угрозы (включая обоснование такого реагирования).

Именно такая идеологема и позволяет, в конечном итоге, не только контролировать географический центр того или иного (географического же) региона, но и формировать геополитический центр силы, а с ним – и собственно геополитический регион вне зависимости от традиционного географического районирования. Примером подобного формирования геополитического региона может считаться и рассмотренный в данной статье опыт Тевтонского ордена, унаследованный в форме геополитической памяти его «преемницей» Пруссией. Не менее ярким примером аналогичного «геополитического конструирования» является и Австрийская империя Габсбургов, речь о которой еще впереди.

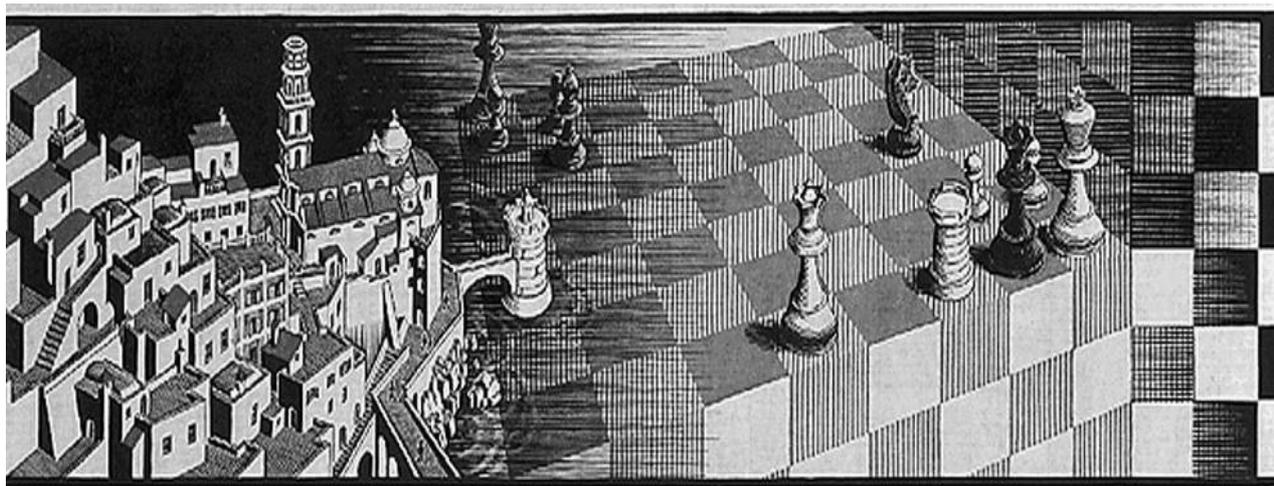
ЛИТЕРАТУРА

1. Аннаков Б. Закономерности стратегии и тактики шахматной игры // Юбилейный сборник научных трудов молодых ученых и студентов РГАФК. М., 1998.
2. Антонович В.Б. Очерки истории Великого княжества Литовского. Киев, 1878.
3. Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории. Пер. с нем. В.И.Матузовой. М.: Ладомир, 2004.
4. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. XI-XIII вв. / Под ред. чл.-корр. АН СССР В.Л.Янина. М.: Изд-во Московского университета, 1987.
5. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, Изд-во «Глаголь», 1995.
6. Германская восточная политика в Новое и Новейшее время: проблемы истории и историографии. М.: Наука, 1974.

¹ «Геополитические коды... – оперативные своды законов, состоящие из набора политико-географических предположений, которые лежат в основе внешней политики страны» (Колосов В.А., Мироненко Н.С. Указ. соч. С. 26).

² Под временной привязкой в данном случае понимается система координат, которую образуют не конкретные временные границы (периоды и, тем более, даты), а собственно темпоральные модальности («прошлое – настоящее – будущее» или, как вариант, «тогда – сейчас – потом»).

7. Гильдерфинг А.Ф. История балтийских славян // Гильдерфинг А.Ф. Собр. соч. Т. 4 СПб., 1874.
8. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1987.
9. Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М.: Учпедгиз, 1943.
10. Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М.: Изд. АН СССР, 1962. Переиздание – СПб.: Наука, 2007.
11. Зубрицкий Д.И. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси. М.: Унив. тип., 1845.
12. Исследования по славяно-германским отношениям. Сборник статей. Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1971.
13. История Европы с древнейших времен до наших дней. В 8 т. Т. 1–4. М.: Наука, 1988–1994.
14. Калининченко Н.М. Шахматная стратегия: Полный курс. М.: Гранд-Фаир, 2008.
15. Кацель И.А. История Литвы. Ковно, 1922. Ч. 1.
16. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001.
17. Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Лекции, читанные в Московском Университете и на Высших Женских Курсах в Москве. Издание 2-е, дополненное М., 1917.
18. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ, Харвест, 2005.
19. Науманн Ф. Срединная Европа. М., 1917.
20. Пичета В.И. Русский народ в борьбе с германской агрессией и освободительное движение западных и южных славян // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии / Под ред. З.Р.Неедлы. Институт истории Академии наук СССР. М.: Госполитиздат, 1944.
21. Рыбаков Б.А. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Высшая школа, 1975.
22. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь Мир, 2004.
23. Тынянова О.Н., Калашников И.А. История отечественного государства и права. Юнита 1. Отечественное государство и право с древнейших времен до начала XVI в.: Учебное пособие. М.: Современный Гуманитарный Университет, 2002.
24. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
25. Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007.
26. Arnold U. Eight Hundred Years of the Teutonic Order // The Military Orders. Ed. by Malcolm Barber. L., 1994.
27. Küttler W. Charakter und Entwicklungstendenzen des Deutschordensstaates in Preußen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 1971. №12.
28. Partsch J. Mitteleuropa. Die Länder und Völker von den Westalren und dem Balkan bis an den Kanal und das Kurische Haff. Gotha, 1904.



*Метаморфозы II. Гравюра.
Худ. Морис Эшер. 1940.*